

ОБРАЗ РУССКОЙ ТРОИ В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ШАПОВАЛОВА

Г.Н. Хлытенко

“Русская Троя” – образ-символ русской диаспоры в Кыргызстане, созданный Народным поэтом республики В. Шаповаловым в “троянском цикле” для художественного решения темы второй родины. Эта тема является типологической в русской поэзии Кыргызстана (С. Фиксин, А. Никитенко, С. Сулова и др.).

Ключевые слова: “Троянский цикл”; образ-символ; русская диаспора.

В настоящее время творчество русского поэта республики Вячеслава Шаповалова привлекает повышенный интерес как читателей, так и литературоведов. Этому способствовал ряд обстоятельств, связанных с его творческой биографией: во-первых, выход двухтомника “Избранное” (первый том – стихи и поэмы, второй – переводы); во-вторых, публикация научно-критического сборника “Дар”, в котором представлены статьи и материалы о творчестве В. Шаповалова [1]; в-третьих, присвоение ему

Указом Президента Кыргызской Республики “за особый вклад в развитие кыргызской поэтической культуры” почетного звания “Народный поэт Кыргызской Республики”.

Для тех, кто знаком с творчеством В. Шаповалова и критической литературой о нем, стало очевидно, что макромиром его творчества является мировая литература, а микромиром – поэтическая тема “двух родин” – России как исторической родины и Киргизии как реальной родины. “Он как бы сам себе создал образ эпохи,

закапсулировался в ней, изобразив <...> на собственной шагреновой коже собственный портрет века” [2, 7], – резюмируют соавторы вступительной статьи к “Избранному” – писатель Чингыз Айтматов и поэт-переводчик Семен Липкин. К такому же выводу приходит критик и литературовед Л.В. Иванова: “Всепоглощающее чувство утраты – таков итог эволюции темы “двух родин”: “Я дважды предан, дважды продан был. Россия с Азией, как сговорясь, мне обе лгут! – гнездо покинул аист” [1, 128].

В связи с вышесказанным наше внимание привлёк оригинальный образ-метафора В. Шаповалова “Русская Троя” – “развеянная жестким веком наскоро // Большой России малая диаспора” в “Азийском круге” [2, 480], ассоциативно восходящий к образу гомеровской Трои, который, в свою очередь, восходит к греческой мифологии. Оказалось, что в поэзии В. Шаповалова есть стихотворения и поэмы, где встречаются образные переключки с троянской темой. И мы поставили перед собой задачу воссоздать творческую историю образа “Русская Троя” на материале произведений, которые могут быть объединены в неавторский цикл под названием “троянский цикл”.

В состав “троянского цикла” мы включили пять произведений, созданных в разное время: сонет “Илиада”, стихотворения “Вечная одиссея”, “Апология истории”, “Гектор” и главку 11 под названием “Русская Троя” из поэмы “Скачки в Пржевальске под Штрауса”. За пределами цикла мы оставили несколько произведений, в которых “троянские” реминисценции ассоциируются с мотивами, не связанными с темой “двух родин” (стихотворения “Репортаж”, “Русский след”, “Сонет Салижану Джигитову”, поэма “Рождение манасчи”).

Анализ произведений “троянского цикла” осуществляется в хронологической последовательности путем выявления *тематических мотивов*, формирующих образ “Русская Троя”. Под мотивом мы понимаем устойчивый смысловой компонент текста, содержащий элемент символизации. Основными справочными пособиями для нас были: двухтомная энциклопедия “Мифы народов мира” [3], предшествующий ей “Мифологический словарь” [4], а также известная книга Н.А. Куна “Легенды и мифы Древней Греции” [5].

Прежде чем приступить к аналитическому прочтению “троянского цикла” В. Шаповалова, воскресим в памяти события, в центре которых оказалась Троя, и напомним, что с 70-х годов

XIX столетия Троя перестала быть мифическим городом после археологических раскопок Германа Шлимана, установившего ее историческое местонахождение.

Троя (Илион) – город на малоазийском берегу Гелеспонта в долине реки Скамандр, основанный Илом, царем дарданов, сыном Троя, и разрушенный ахейцами (греками) в результате Троянской войны. Поводом к ней явилось похищение Парисом, сыном троянского царя Приама, прекрасной Елены, жены царя Спарты Менелая. В битвах у стен Трои во время ее десятилетней осады принимали участие знатнейшие герои: со стороны ахейцев – Агамемнон, Ахилл, Патрокл, Одиссей, Менелай, Аякс; со стороны троянцев – Гектор, Парис, Эней, Агенор, Пандар, Полидамонт. Враждующим сторонам помогали боги-олимпийцы: Зевс, Арес, Посейдон, Аполлон, Афина, Афродита. Основные события Троянской войны, составляющие содержание “Илиады” Гомера, развернулись в последний год Троя, взятая при помощи военной хитрости, была сожжена и разрушена, мужчины перебиты, а женщины обращены в рабство.

Предания о Троянской войне – неисчерпаемый источник тем, сюжетов, образов для мировой литературы и искусства. Оттуда пошли многие образные выражения, ставшие нарицательными (“яблоко раздора”, “пророчество Кассандры”, “ахиллесова пята”, “дары данайцев”, “троянский конь”). Оттуда же берет истоки анализируемый нами образ-метафора “Русская Троя”.

Своеобразным прологом “троянского цикла” В. Шаповалова является сонет “Илиада” [2, 230]. Это один из “античных” сонетов, включенных автором в сборник “Восходят травы” под рубрикой “Эпиграфика”, а затем в отдельное издание поэмы “Рождение манасчи” в несколько измененной редакции. Здесь В. Шаповалов дает “стоп-кадр истории”, воспроизводящий “Илиаду” Гомера и ее автора в бурлескно-трагическом стиле:

Толпа с толпой на холмном пятачке
Обиду делят. Тут как тут и боги.
Слепой старик трясется по дороге
На ослике. Суда стоят в реке, –
причем с перенесением места действия в
Киргизию, т.е. на родину автора:
Скамандр к *тянь-шаньским* елям¹ угорело
Струит волну. Осел, на склоне дня
Везущий безымянного Гомера, –
Выносливей Троянского коня.

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Г.Х.

Этот художественный прием дает В. Шаповалову право на широкую свободу ассоциативного мышления при решении своих художественных задач. Одна из них – метафорически сблизить (метафора – скрытое сравнение) разрушение античной с разрушением Русской Трои.

Здесь уместно привести важное для нас признание В. Шаповалова, высказанное им в интервью поэту А. Никитенко при ответе на вопрос: “Ты издавна оттачивал дар прозрения?”

“– Не делай из меня Нострадамуса! – воскликнул В. Шаповалов. – Хотя, честно говоря, поэзия штука опасная, шаманская: *когда пишешь – смотришь в волшебное зеркало* <...> К примеру, я в начале 80-х именно в своих стихах увидел неожиданно для себя и описал *распад империи, разрыв национальных культур, душевную смуту растерянного человека*” [1, 169–170].

Впрочем, поэтический **мотив разрушения** (“распада”, “разрыва”, “смуты”) вошел в творчество В. Шаповалова значительно раньше – в конце 60-х, когда было написано стихотворение “*Вечная одиссея*” [1968, 1986; 2, 434–435], начинавшаяся строками:

Поразившие Троию безнадежны:

Домой!

Запах моря и крови.

Пенный блеск за кормой.

Отчего и сегодня от пожарищ хмельны?

Примечательно, что молодого поэта привлекают не батальные сцены, не легендарные подвиги героев “Илиады”, а “запах крови”, “пожарища”, “похоронный раскат плача” побежденных, который “во сто крат” громче криков, “поразивших Троию”.

С той поры и доселе цвета крови вино.

От такой одиссеи уцелеть не дано.

Не дано уберечься –

И навеки для войн и чужих побережий

Облик, родина, твой.

Действительно, возвращение победителей Троянской войны на родину сопровождалось множеством драматических и трагических событий. Семь лет скитался среди чужеземных народов Менелай. В морской пучине от гнева Посейдона погиб Аякс. Много опасностей пришлось испытать царю Агамемнону, прежде чем он вернулся в родные Микены, но там его ждала смерть от руки неверной жены Клитемнестры. А сколько тяжких бед и грозных опасностей претерпел Одиссей, возвращаясь в родную Итаку! Их описаний хватило Гомеру на эпическую поэму “Одиссея”, равную “Илиаде”.

Кстати, в стихотворение В. Шаповалова “*Вечная одиссея*” вошел эпизод о пребывании Одиссея у царя Алкиноя.

Сон.

Страна Алкиноя тихо грезит во сне.

Как заря, возникая на лугу молодом,

Дочь царя – Навсикая

Напоит молоком.

.....

После плена и тлена и чужих дочерей

Нет пленительней плена

И печали черней.

Напомним: Алкиной – внук Посейдона, царь феаков на острове Схерия, который радушно принял выброшенного морем Одиссея и помог ему вернуться на родину; Навсикая – дочь Алкиноя, которая обнаружила потерпевшего кораблекрушение Одиссея и надеялась, что привлечший ее сердце герой станет ее мужем; прощаясь с Одиссеем, Навсикая просила его помнить о той, которая спасла ему жизнь.

Таким образом, в стихотворении “*Вечная одиссея*” В. Шаповалов, развивая мотив разрушения Трои – родины троянцев (“Долго нам еще Троя будет сниться, крича: // Запах моря и крови, // Смертный голод меча”), выходит на **мотив извечного стремления человека на свою родину** (“Одинокий кораблик да Итака вдали”).

В следующем стихотворении “*троянского цикла*” – “*Апология истории*” (1978) “ассоциативно-образное мышление поэта обращается к мифологическому персонажу иного плана – Энею.

Напомним, что имя Энея фигурирует в гомеровской “Илиаде” среди славнейших троянских героев, однако основные события его жизни изображены в героической поэме Вергилия “Энеида”. В последнюю ночь Трои Эней по повелению богов оставил город и, захватив с собой священные изображения троянских богов, отправился на поиски новой родины. После многочисленных приключений Эней оказался в Лации, где местный царь Латин предложил ему руку своей дочери Лавинии и место для основания нового города. Таким образом, итальянская земля стала преемницей славы троянцев, а Эней оказался основателем Рима. Именно этот эпизод из жизнеописания Энея привлек внимание в стихотворении “*Апология истории*” [2, 531–532].

Заветное утратив, Троя

хранила юного Энея,

и гены воинского строя,

любовью древней пламеня,

его таили от покоя,

но выпало ему иначе:
вот блеск меча высок и жарок,
и облик родины утрачен...

Так возникает *мотив утраченной родины*, который сопровождает *мотив обретенной родины*:

... И Геры траурная урна <...>
Приемлет прах мятежный Турна...

Оба мотива в равной степени пафосно драматичны, ибо Эней в поисках новой родины претерпевает не меньше, чем Одиссей при возвращении на свою родину. В маршруте одиссеи Энея множество островов, стран, городов, в том числе Сицилия (здесь умирает его отец Анхис), Карфаген (здесь его надолго задерживает царица Дидона), Кумы (здесь он с помощью местной пророчицы – Кумской сивиллы совершает нисхождение в царство мертвых, где получает предсказание о своей судьбе и будущем своих потомков). В Лации, конечном пункте одиссеи, Энею приходится вступить в войну с Турном – вождем племени рутулов, также претендующим на руку дочери Латина, и только победа над Турном, прах которого “приемлет” богиня Гера, ярая противница троянцев, дает Энею возможность обрести новую родину.

Тема “двух родин”, заявленная в стихотворении “Апология истории”, обогащается новыми тематическими мотивами в стихотворении “Гектор” – лучшим, на наш взгляд, произведением “троянского цикла” [2, 501–502].

Гектор – старший сын царя Приама и Гекубы, главный троянский герой в “Илиаде”. Возглавляя боевые действия троянцев, он отличился личной храбростью и мужеством. В богатых поединках Гектор сразил непобедимого Патрокла, но сам был сражен неуязвимым Ахиллом, главным ахейским героем. Ахилл, одержимый местью за своего неразлучного друга Патрокла, жестоко надругался над поверженным Гектором. Он привязал тело героя к своей колеснице и, стегая коней, влачил его по земле на виду всей Трои, на глазах потрясенного отца Гектора Приама и безутешной жены Андромахи. Мстительный Ахилл выдал тело Гектора для погребения только после вмешательства Зевса-громовержца и других богов-олимпийцев. Похоронами Гектора заканчивается “Илиада”.

В. Шаповалов избрал Гектора в качестве ролевого героя, через восприятие которого дается изображение и оценка описанных событий.

Открою глаза перед тем, как умру, –
Сие подобает герою,
Где Троя горит, словно лист на ветру,

Где Троя...

Доспехи надел я, в забвенья шагнул,
И честь, и жену оставляя...

В мотив разрушения неожиданно вторгается *мотив забвения*, которое ожидает Гектора после смерти. Почему?

Я смертник, не верю я в жертву свою,
Она не окупится бойней.
Не станет, когда я паду, где стою,
Спокойней.

Горькое осознание того, что он смертник (а он узнал об этом от Патрокла, который перед их поединком сказал: суровый рок определил Гектору пасть от руки Ахилла), лишает его жертвенно-героического ореола и, следовательно, обрекает на забвение. В смятении он пытается найти выход, но – “безмолвствуют боги”. Пронзить тысячелетью криком? “Услышат, но не обернутся”. Проснуться?

Нет, спит моя память, смертельны века.

Вчера недалече. А – завтра?..

Забвенья предсказано. Доля легка.

Кассандра!..

Этим восклицанием в стихотворение вводится новый мотив. Назовем его условно *мотивом Кассандры*. Кассандра – сестра Гектора, троянская царевна. Влюбленный в нее бог Аполлон наделил ее даром пророчества, но, отвергнутый Кассандрой, сделал так, что ее пророчествам никто не верил. Поэтому Кассандра напрасно предсказывала гибель Трои, таившуюся в оставленном греками деревянном коне, – троянцы ей не поверили. Мотив Кассандры – это *неверие пророкам в своем отечестве*, а в русской культурной традиции пророками, как известно, называли поэтов.

Одна только ты понимала, что зря

Ахилл истязал мое тело.

И жертва напрасной была. И заря

Глядела...

Именно в этот момент ролевому герою Гектору приходит прозрение, за которым просматривается авторское “Я”:

Мы в смертное только мгновенье пойдем,

Какое в нас мучилось пламя,

Как стали для мира Троянским конем

Мы сами.

Вводится еще один мотив. Назовем его условно *мотивом Троянского коня*. С ним связан самым драматичный эпизод Троянской войны.

Ахейцы после длительной и безуспешной осады Трои прибегли к военной хитрости. По совету Одиссея мастер Эпей строит огромного деревянного коня, в полем нутре которого прячет-

ся отборный отряд ахейских воинов, а остальное войско инсценирует снятие осады Трои. Троянцы, обманутые ахейским лазутчиком Синоном, решают доставить его в город, несмотря на предостережения жреца Лаокоона. Ночью спрятавшиеся во чреве коня ахейцы выходят наружу и открывают ворота вернувшимся отрядам. Начинается жестокое избиение застигнутых врасплох троянцев, и Троя гибнет в страшном пожаре.

Выражение “Троянский конь”, ставшее крылатым, понимается как обманное действие, тайный коварный замысел. В. Шаповалов, судя по всему, придает ему иной смысл – *трагическое заблуждение* в рамках предначертанного роком, судьбой, т.е. неотвратимой необходимостью. Именно так понимали непредвиденное античные авторы, в том числе и Гомер.

Стихотворение “Гектор” занимает особое место в “троянской цикле”. Его поэтические мотивы: мотив забвения, мотив Кассандры, мотив Троянского коня – формирует *тему заложенничества*, которая получает художественную реализацию в образе Гектора. *Гектор–заложник*. Заложник долга (“Доспехи надел я, в забвенья шагнул, // И честь, и жену оставляя”), заложник рока, судьбы (“Я смертник, не верю я в жертву свою, // Она не окупится бойней”), заложник вечности (“И тысячелетья пронзит этот крик – // Услышат, но не обернутся”). В этом качестве ролевой герой Гектор тождествен лирическому герою В. Шаповалова. Ведь лучшая его книга стихов так и называется – “Заложник” (1997). Анализируя ее, Л.В. Иванова пришла к выводу о том, что “стихи Шаповалова наполнены драматическим мироощущением русского поэта, волею судеб ставшего заложником распада великой страны” [1, 125]. Кстати, шаповаловский образ поэта как заложника прочно ассоциируется, конечно же, с хрестоматийно известными строками Б. Пастернака:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну, –
Ты – вечности заложник
У времени в плену.
(*Ночь*)

Последнее произведение “троянского цикла” – “Русская Троя”, которое представляет собой, как мы уже говорили, главку из поэмы “Скачки в Пржевальске под Штрауса”, датировано 1975–1990 гг. “Русская Троя” написана, судя по содержанию, в последний год указанной даты. Она обладает относительной композиционной автономностью, поэтому может анализироваться самостоятельно. Тем не менее, следует

сказать несколько слов о самой поэме как контексте анализируемой главки.

Поэма имеет подзаголовок “Провинциальная хроника 70-х” и посвящение “Памяти русских на Востоке”. Ее претенциозный заголовок расшифровывается достаточно просто: конные бега на Пржевальском ипподроме под вальсы Штрауса. Ипподром – образ-символ Азийского круга, в котором пребывают выходцы из России, начиная с русской пленницы завоевателя Тимура и кончая русскими переселенцами XIX–XX столетий. “Большой России малая диаспора” и есть Русская Троя, с которой связана судьба поэта и его предков. Через всю поэму рефреном проходит словообраз “Море уходит”, определяющий авторскую эмоциональность произведения.

“Русская Троя” [2, 479–480] – произведение, в котором производится *дешифровка* мотивов и образов предшествующих произведений “троянского цикла”. Под дешифровкой мы понимаем *реализацию метафоры* – явление, когда метафорическое выражение берется в прямом смысле и происходит его дальнейшее буквальное развертывание.

Во-первых, В. Шаповалов дешифрует *образ Трои*. Под его пером античная Троя материализуется в русскую Трою – “большой России малую диаспору”. Причем это не только русская, но и – шире – славянская диаспора, где “с южной мовой молвь сливалась северная” (т.е. украинская речь с русской), где светил “единый свет Евангелия славянского”.

Во-вторых, дешифруется *образ разрушенной Трои*:

Развеянная жестким веком наскоро
Большой России малая диаспора.

При этом В. Шаповалов считает необходимым сказать и о том, каковой была Русская Троя в недавнем прошлом:

Здесь с южной мовой молвь сливалась северная,

Восточных солнц в очах огонь просеивая,
Народ с народом – бережно сходясь,
Здесь русский знал киргизское наречие
И, их союз земной очеловечивая,
Над колокольнями, сердца просвечивая,
Вилась крестов возвышенная вязь.

Ну, чем не античная Троя в период своего расцвета! А сейчас?

... Все умирает,

Прошлым станюясь.

Пустеют шляхи, некогда стоустые.

О Азия! – пустеют села русские,
Основанные предками давно.

Затягивает мглою безразличия
Лучину христианского обычая
И вянет песен горькое вино.

В-третьих, В. Шاپовалов дешифрует *первопричину падения Трои*.

Напомним, что в мифологическом сознании Троя пала по нескольким причинам.

Первая причина – очевидная: троянцы – виновники Троянской войны. Ведь это их царевич Парис нанес обиду ахейцам и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своего гостеприимца, спартанского царя Менелая.

Вторая причина – веление Рока, воля Судьбы. Перед началом войны, во время пребывания ахейского войска в Авлиде, свершается знамение, посланное ахейцам богами у алтаря Аполлона, – появление змеи, похитившей из гнезда восемь птенцов вместе с их матерью. Жрец Калхант истолковал это явление следующим образом: Троянская война будет продолжаться девять лет и окончится победой ахейцев только на десятом году осады Трои. Так оно и случилось.

Третья причина – вина самих троянцев, которые были обмануты хитроумным Одиссеем, придумавшим и осуществившим военную операцию с Троянским конем. Вина троянцев в том, что они *не поверили пророкам в своем отечестве*. Ни жрецу бога Аполлона Лаокоону, который, будучи убежден, что в деревянном коне скрываются ахейские воины, горячо убеждал троянцев уничтожить коня. Ни вещи Кассандры, которая пришла в ужас, увидев в акрополе коня, но троянцы ответили ей смехом: ведь предсказаниями Кассандры никто не верил! Зато троянцы поверили своему врагу Синону, который, осуществляя план хитроумного Одиссея, убедил троянцев ввести в город деревянного коня как дар ахейцев богине Афине.

В. Шاپовалов, по нашему убеждению, первопричиной падения Трои (и Русской Трои) считает Троянского коня, являющегося образом-символом *собственной вины* (и троянцев, и “русских троянцев”). Нам могут возразить: но ведь В. Шاپовалов в “Русской Трое” только ставит вопрос, обращаясь к своим предкам:

О путники, пришедшие из Верного
Ценой долготерпения бессмертного,
Оставившие родину свою
На Курщине, Орловщине, Полтавщине
И горный воздух над собой глотавшие,
Зачем осели вы в чуждом краю?

Но это не прямой, а риторический вопрос, который, как известно, не требует ответа. Ответ на него дан самим В. Шاپоваловым, который

дважды акцентирует внимание на мотиве Троянского коня – в “Текторе” и “Русской Трое”. В “Текторе” первопричина только декларируется (“...Стали для мира Троянским конем // Мы сами). А вот в “Русской Трое” она обретает художественную плоть благодаря эпиграфу – текстом, взятым из *русской* (это тоже дешифровка!) “Повести о пленении Троянском” (XVI век): “Мужие же крыющеися изшедше молком и зажгоша храмы и пламень воздвигоша велик...” – “Воины же, прятавшиися (внутри коня), вышли молча и подожгли храмы, и пожар занялся огромный...”

Насколько важна для В. Шاپовалова мысль о трагической вине “русских троянцев”, можно судить по ее вариациям в ряде других стихотворений за пределами “троянского цикла”. Например:

Слова, слова...
Самим себе мешаем
Жить – веруя, надеясь и любя.
Прощай, эпоха. Мы тебя – прощаем.
Но не себя.
О, только не себя! [2, 528].
(Прощанье. 1982)

Боль и холод отчуждения
Стали степенью родства.
.....
Круг замкнувшийся греховен,
Скажем – профиль, выйдет – фас.
Боже, кто же тут виновен?
Ну а кто же, кроме нас!
(Степень родства. 1987)

В-четвертых, В. Шاپовалов дешифровал *мотив забвения*, получивший в “Текторе” трагедийную окраску. В “Русской Трое” он дешифруется двумя приемами: через публицистический монолог и через художественную деталь.

Была ли ты
Иль вовсе не была,
Развеянная жестким веком наскоро
Большой России малая диаспора?
Польнью лунный свет припорошив,
Проходят дни – и высыхают пастбища.
И – чьи они? – распахивает кладбища
Бездомный ветер
Под чужой мотив...

Это – отрывок из публицистического монолога, оставляющий, безусловно, сильное впечатление. Такой же эффект производит яркая художественная деталь – названия русских поселений, исчезнувших с географической карты современной Киргизии. Вот начальные строки “Русской Трои”:

Гора ушла вершиной в высь туманную
Стоит луна над Светлою Поляною –
И деревенька девичьи нежна.

Услышишь:

*Долинка, Липенка, Отрадное,
Орлиновка, Раздольное, Прохладное –
Давали деда селам имена.*

А в конце “Русской Трои” представлен перечень топонимов в виде маршрутной карты автора:

*Балыкчи, Кара-Кол, Кара-Ой,
Кош-Кол, Сары-Камыш, Чон-Сары-Ой...*
(Курсив автора. – Г.Х.)

Обратите внимание: здесь среди названий сел и городов Прииссыккулья нет ни одного русского. Красноречивый эпилог “Русской Трои” и всего “троянского цикла”, воскресающий в памяти “троянские” реминисценции В. Шаповалова:

Забвенье предсказано.

И облик родины утрачен.

О Троя, о сердце, чей рухнул оплот,

О Троя...

В поэтическом представлении В. Шаповалова Русская Троя, ввергнутая в разрушение и преданная забвению, настолько нереальна, что становится мифом, как и античная Троя, которая, как известно, существовала реально. Это – сильный поэтический ход автора.

Таким образом, “троянский цикл” В. Шаповалова, будучи неавторским объединением произведений, тем не менее представляет собой определенное художественное единство мотивов, восходящих к теме “двух родин”. Среди них преобладают мотивы реальной родины – Киргизии, Азийского круга, формирующие образ Русской Трои (мотив разрушения, мотив забвения, мотив Кассандры, мотив Троянского коня). Этот

образ, эволюционируя от образа-метафоры к образу-символу, обретает художественную емкость и многогранность. В “волшебном зеркале поэзии” В. Шаповалову удалось пророчески увидеть и запечатлеть в слове внутреннюю жизнь человека, который ощущает крушение духовного родства с миром на разломе эпохи.

В заключение следует сказать, что поэтические мотивы “троянского цикла” находили параллельное отражение во многих стихах В. Шаповалова. Назовем наиболее значительные из них: “Отречение от степи” (1972, 1986), “Баллада о киргизской речи” (1976, 1988), “Последний зов Азии” (1978, 1988), “Русский след” (1983, 1987), “Азийский круг”, “Вечер поэзии в доме отдыха” (оба 1988), “У памятника П.П. Семенову-Тянь-Шанскому”, “Романс 90-х”, “Заложник” (все 1990), “Ethnographica” (1992). В принципе, это художественный контекст “троянского цикла”, который представляет собой объект специального изучения.

Литература

1. Дар: Статьи и материалы о творчестве Вячеслава Шаповалова / Сост. С.Г. Суслова, Е.Г. Колесников; Отв. ред. В.М. Плоских. – Бишкек: Архи; Просвещение; Турар, 2007.
2. Шаповалов В. Избранное: В 2 т. Т. 1. В Азийском круге: Лирика, Поэмы. – Бишкек: Архи, 2003.
3. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1980 – 1982.
4. Ботвинник М.Н. и др. Мифологический словарь. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1985.
5. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции: Пособие для учителя. – Фрунзе: Мектеп, 1984.